

В. Г. БРЮСОВА

Холмогорский летописец и художник XVII в.

(Об одном из авторов Двинской летописи¹)

Изданный А. А. Титовым список Двинского летописца, как и большинство летописей, является результатом насаивания нескольких разновременных летописей, от XIV до XVIII столетия. Наше внимание привлек раздел от 1682 по 1702 г., в котором повествуется события начиная от приезда в Холмогоры архиепископа Афанасия и кончая его смертью. Этот отрезок летописи включает много интересных сведений о художественной жизни Холмогор. Автор его подробно описывает работы иконописцев, перечисляет их имена, указывает стоимость работ и распределение заработка между иконописцами. Иногда в своих описаниях автор сообщает факты об иконописном деле от своего имени. На основании всего этого А. А. Титов высказывает предположение, что летопись была написана лицом, близким архиерейскому дому и иконописцем;² попытку установить имя автора летописи Титов не делает.

Подробное ознакомление с текстом летописи убеждает в справедливости этой точки зрения; внимательное чтение памятника позволяет выдвинуть предположение об имени автора этой части летописца.

Описываемые в летописи события двух последних десятилетий XVII в. связаны с некоторыми важными политическими обстоятельствами в жизни города Холмогор и Двинского Севера. В 1667 г. Московский собор в целях борьбы с расколом учредил целый ряд новых епископий, в том числе Холмогорскую и Важескую. Архиепископ Холмогорский Афанасий прибыл в Холмогоры в 1683 г. Афанасий принадлежал к числу передовых людей своего времени; он был правой рукой Петра I на Севере в ответственные годы шведской войны. Петр поручил Афанасию наблюдение за организацией обороны Архангельска в 1701 г. и в знак особой царской милости подарил ему взятые у шведов три пушки «ради обережи в хождении его архиерейскими судами». Афанасий вел дипломатические переговоры с голландскими торговыми людьми, чтобы они «не приставали» (т. е. не присоединялись) к шведам.³ Им была написана в стратегических

¹ ГПБ, собр. Титова, № 4682 — Имеет название по записи XIX в.: «Летописец о начале Русской земли, составленный при Холмогорском кафедральном соборе диаконом» Опубликована А. А. Титовым Летопись Двинская М., 1889.

² А. А. Титов Летопись Двинская, Предисловие, стр. III

³ Эти сведения находятся в одном из списков Двинской летописи: ГПБ, собр. Титова, № 711, лл. 34—50. Здесь говорится что Афанасий «к сему его царского величества жалованью приложил сугубую ревность изыскал меди ветошной и велел к тому купить и ис того вылить малых три пушечки в подборе к тем великого государя жалованья железным пушкам во отщепеные шведов».

целях рукопись «Описание трех путей из державы царского величества, из поморских стран, в Шведскую землю и до столицы их».⁴

Афанасий уделяет большое внимание церковному строительству. В холмогорской епархии до его приезда каменных храмов не было вовсе, а в деревянных современники отмечали бедность и запустение.⁵ При Афанасии в Холмогорах был построен ряд каменных церквей: Спасо-Преображенский собор, Введенская церковь, церковь Иакова — брата господня, Успенский собор в Успенском женском монастыре. В городе Архангельске построен каменный собор Архангела Михаила, церкви Рождественская и Воскресенская. Строятся новые храмы и ремонтируются старые в городах и селах холмогорской епархии.

Такой объем строительства, естественно, повлек за собою оживление иконописного дела. При архиерейском доме группируется артель иконописцев, которая участвует во всех работах по украшению храмов и архиерейских палат.

Всего в летописи упоминается 12 имен иконописцев: богоявленский протоирей Федор Васильев сын Струнин, его дядя, «архиерейского дому сын боярский» Алексей Иванов Струнин с сыновьями Егором и Иваном, дьякон Троицкой церкви Федор Семенов Бесщечкин, сыновья боярские Иван Васильев Погорельский и Иван Рясалов, иконописцы Филипп Коротаев, Михаил Онегин, Андрей Спешкин, Евдоким Пономарев и Семен Дьячков.⁶

Запись на титульном листе рукописи, исполненная почерком XIX в., удостоверяет, что летописец был составлен «при Холмогорском кафедральном соборе дьяконом». Если согласиться с предположением, что автор летописи был иконописец и в то же время дьякон, то не есть ли это Федор Семенов Бесщечкин? Но Федор Бесщечкин был дьяконом Троицкой церкви, а запись титульного листа называет дьякона Преображенского собора. Для того чтобы разгадать, кто из иконописцев мог быть автором летописи, проанализируем внимательно ее текст.

Автором не может быть Федор Струнин ввиду неумеренности похвалы о нем в летописце — автор называет его «первейшим исусным изографом иконного письма». Не могут быть и Алексей Струнин и Михаил Онегин, так как на стр. 107⁷ сообщается, что автор взял подряд на работу втроем, с Алексеем Струниным и Михаилом Онегиным. На стр. 112 он сообщает,

⁴ И. П. Шаскольский. Описание трех путей Афанасия Холмогорского. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 457—460. Об архиепископе Афанасии см.: В. Верюжский. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды... СПб., 1908; С. Постников. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важский (1682—1702). СПб., 1866. — Г. И. Головкин в письме к И. А. Мусину-Пушкину так отзывался об Афанасии после его смерти: «По указу его царского величества я к нему, рязанскому митрополиту, ныне ответствовал, дабы он избрал на помянутую холмогорскую епархию из духовных особ трех или двух, которые б были искусные и ученые и политичные люди, понеже та холмогорская епархия у знатного морского порту, где бывает множество разных народов иноземцев, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности к чести и славе российского государства, якоже и прежде бывый Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал» (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве юстиции, кн. 8, М., 1891, стр. 163).

⁵ С. Постников. Афанасий... стр. 27.

⁶ В переписных книгах г. Холмогор встречается упоминание некоторых из названных иконописцев: Алексей Иванов упомянут в переписной книге Холмогор за 1678 г. (ЦГАДА, фонд «Переписные книги», кн. 15051, л. 101), Федор Семенов Бесщечкин назван в переписной книге 1702 г. (ЦГАДА, ф. 137, Книги городские о доходах, № 43, л. 34).

⁷ Здесь и далее в тексте указаны страницы издания Двинской летописи (см. прим. 1).

что «к вербному воскресенью строил с братом три вербы». Не был ли это один из сыновей Струнина: Егор или его брат Степан? Но в таком случае, говоря о брате, автор тем более должен был назвать отца, между тем, упоминая несколько раз о своих работах с Алексеем Струниным, он ни разу не говорит о родстве с ним.

Просматривая внимательно текст летописи, мы в конце его находим небольшую замечку: «В то же лето, ноября в 20 день, преосвященный архиепископ отпустил в Клопов монастырь отца Василья Погорельского, а тестя его Афанасий Резвухин того дни в ночи замерз на дороге» (стр. 124—125). Следует ли из этого заключить, что Василий Погорельский, названный здесь «отцем», и есть отец писателя, и, следовательно, автором летописи был не кто иной, как Иван Васильев сын Погорельский?

Обратим внимание на те места в летописи, в которых имеется наиболее обстоятельное описание иконописных работ, что дает основание предполагать участие в них автора. Отметим, например, такое описание: «В то же [1697] лето преосвященный архиепископ изволил строить судно, переводом и примером, каковы строятся на Азове, именуемое баркалон; и на другой день Иванова дня нарисовал ему герб, каков писать на корме, на вольной стороне, с примера патриарша клейнота. И после Петрова дня начали столяры работать, а украшения приказал и живописное, что надлежит, как на вольной стороне, так и внутри писать оному же своего архиерейского дома сыну боярскому Ивану Васильеву сыну Погорельскому... и за оное украшение жалован был милостивыми словами и от трапезы его архиерейскими подачами от пищи, а на погребе питьем» (стр. 112—113). Здесь автор дважды сбивается — начинает говорить от первого лица, что он нарисовал эскиз герба для баркалона, затем сообщает о том, что работа по росписи баркалона была поручена «оному же» Ивану Погорельскому, а далее сообщает, что он, автор, был пожалован за эту работу. В самом деле, если бы это было не одно лицо, то вряд ли автор стал бы сообщать о постороннем человеке такую несущественную деталь, как архиерейскую подачу «от пищи и питье на погреб». Дальше автор сообщает текст надписи «клейнота» в подробностях, как если бы он сам писал его: «Под гербом в клейноте подписано речьми и литерами латинскими прописными тако: „Преосвященный Афанасий божиею милосью архиепископ холмогорский и важеский, первый есть трона сего“». В летописи помещен и рисунок «клейнота».

Далее следует еще более подробное описание милостей, оказанных Афанасием за эту работу, которая пришлась ему по вкусу, причем автор снова сбивается, говоря то от своего лица, то об Иване Погорельском: «Преосвященный архиепископ приказал быть и казначею Авксентию сказать и в казенном приказе велел записать, что в его архиерейском приходе с Холмогор к городу с ним, преосвященным епископом, быть на новопостроенном судне баркалоне и у города жить, вместо сушиленного, сыну боярскому Ивану Погорельскому и к тому отпуску велел всякую посуду и завод, что надлежит про его архиерейский дом, и харчевые всякие припасы принять и, приняв, во оном приказе расписаться» (стр. 113). На следующей странице сообщается, что 3-го сентября 1700 г. «указал архиепископ строить кушанье к почесному столу и к тому кушанью роспись ключнику и сушиленному Ивану Погорельскому». При этом к летописи отдельным листком приложен список с 30 блюдами к этому обеду.

Таким образом, литературный такт писателя, считающегося с традициями летописания как стороннего повествования, не позволял ему вести рассказ полностью от своего лица, но отмеченные нами случаи сообщения

биографических сведений об иконописце Иване Погорельском, подробное описание произведенных им работ, путаница в лицах автора и Ивана Погорельского, наконец, упоминание об отце — Василии Погорельском дают достаточно оснований сделать вывод, что автором данного раздела Двинской летописи был Иван Васильев сын Погорельский, «архиерейского дома боярский сын», ключарь и иконописец.⁸

Попробуем составить представление о творческой биографии художника на основании упомянутых в летописи работ.

Первой и наиболее крупной работой холмогорских иконописцев была роспись иконостаса Спасо-Преображенского собора. В летописи рассказано, как архиерей призвал иконописцев к себе и «любительно беседовавшие с ними, обще объявил свое желаемое намерение ... новопостроенную церковь Преображения господня украсить вновь же святыми иконами». Иконописцы получили задание писать таким переводом, «яко же зрятя старогреческие письма». Деньги за эту работу были даны из царской казны Петром I. По уговору, архиерей предоставлял помещение, еду и «для увеселения и потешения с погреба от вина и других питей в подобное время повеление». Работа была начата в 1691 г. и закончена в 1697 г. Всего было написано 85 икон, за что было уплачено 100 руб. В выполнении этой работы участвовало 6 иконописцев, причем Иван Погорельский среди них упомянут на пятом месте, и его работа расценивается дешевле, чем других иконописцев (2 алтына 2 деньги против высшей оплаты в 9 алтын). Возможно, в то время он был еще молод и соответственно возрасту состоял в артели в качестве помощника.

В марте 1692 г. «протопоп Федор с товарищи» стал знаменить местные иконы в Богоявленскую церковь (стр. 82); по-видимому, среди иконописцев был также Погорельский.

20 января 1693 г. «зачали писать в собор Страшный суд с евангельскими словами и прописали в мясопустную субботу то есть февраля в 15 день» (стр. 92). Судя по форме записи, участие в работе автора несомненно.

В марте того же года «в соборную Преображенскую церковь царские двери в иконостас к золоченью клеить и левкасить стали и евангелисты написали» (стр. 93). Здесь в росписи живописцев Иван Погорельский указан на пятом месте из восьми мастеров; он получал по 4 деньги против 8 верхней ставки. «За многие труды к соборной Преображенской церкви» иконники были отпущены съездить в Соловецкий монастырь «на карбасе, наемном из архиерейской казны» (стр. 95).

Архиепископ Афанасий стремился в своих владениях все устроить на московский лад. Он привлекал для выполнения заказов московских масте-

⁸ Ключарь заведовал книгохранительной палатой в соборе (см.: А. Фирсов. Холмогорский Спасо-Преображенский собор. — Архангельские епархиальные ведомости, 1891, №№ 13, 15, 16, стр. 213 и сл.). Должность ключаря могла перейти к Ивану Погорельскому наследственно, от тестя — ключаря собора Алексея Бенедиктова Золотарева, на дочери которого он был женат (А. Титов. Летопись Двинская, Предисловие, стр. III). Наше предположение о том, что одним из авторов Двинской летописи был Иван Погорельский, на первый взгляд противоречит записи на титульном листе о том, что эта рукопись была составлена «при Холмогорском кафедральном соборе диаконом». Но, во-первых, запись эта сделана после 1832 г. спустя более 100 лет после составления нашего списка летописи, и это, бесспорно, значительно снижает достоверность сообщения о ее составителе. Во-вторых, в самом тексте летописца есть записи, сделанные другим почерком, и не исключена возможность, что в составлении ее принимало участие какое-то другое лицо, быть может соборный дьякон. Однако все те сведения, которые мы приводим в настоящей работе принадлежат одному автору, которого мы и считаем Иваном Васильевым Погорельским.

ров и брал с собой в свои очередные выезды в Москву собственных иконописцев. В их числе неизменно бывал Иван Погорельский, который сообщает об этих поездках весьма интересные сведения.

В одну из этих поездок, в 1697 г., «изволил преосвященный Афанасий взять из Чудова монастыря большое и первое лучшее Евангелие и с того все сознаменить и срисовать приказал слово в слово, чтобы без прогрешения и мерою во всем таково ж было б, против которого и учинено тако, за что милостивое слово с благословением получено» (стр. 100); эта работа исполнена автором записок, по нашему предположению — Иваном Погорельским.

Далее, на стр. 105 мы читаем описание того, как изограф Степан Дементьев Нарыков писал портрет-парсуну Афанасия. Интересны подробности дела, на что уже обращала внимание Е. С. Овчинникова.⁹ Автор летописи сообщает: «писал он на картине, смотрячи на него, а архиерея . . . обрисовал и все подобие сущее лица его и провохрил фарбами, какими надлежит, слово в слово, и оставил у него, архиерея, во внутренней келье сушить, а в оный день, приехав, взял с собою, протчее дома дописывал. И по совершению письма всего, преосвященный архиепископ платил ему за труд: восемь рублей денег да кусок камки пожаловал.¹⁰ По преставлении его архиерейском оная персона поставлена с подписаниями в соборной Преображенской церкви над гробницею его.

«С тою же персоны тем же кунштом, слово в слово, написанная персона сыном боярским Иваном Васильевым сыном Погорельским и поставлена в его архиерейской крестовой на Хормогорах».

Оба портрета архиепископа Афанасия сохранились до настоящего времени и ныне находятся в Архангельском областном краеведческом музее.¹¹ Сравнение обоих портретов не оставляет сомнения в их авторстве. Подлинником, написанным Степаном Нарыковым, является портрет с текстом пространной надписи в верхнем правом углу (инв. № 445).¹² Лицо Афанасия на этом изображении передано с острой портретной характеристикой. Взгляд решительно устремлен вверх, переносы собрано резкими вертикальными складками морщин. Глубокие складки залегли по границе щеки от внутреннего угла глаза вниз к усам; плотно сжатые губы и бритый массивный подбородок¹³ завершают характеристику волевой натуры сподвижника Петра. Художник обладает достаточно широким диапазоном живописных средств, чтобы дать энергичную лепку лица и сохранить живость выражения.

⁹ См. Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. Изд. «Искусство», М., 1955, стр. 114—115.

¹⁰ Плата за работу здесь, как и в других местах текста, написана латинскими буквами.

¹¹ Оба портрета покрыты сильно потемневшим лаком и имеют повреждения поверхности живописи и холста, нуждаются в реставрации и по этой причине не могут быть воспроизведены.

¹² Размер 92 × 82; текст надписи: «Архиепископ Афанасий 1-й архиерей Архангельский. Он был на соборе в 1682 году, Москве против раскольников, сам будучи из оных. На этом-то соборе Петр Великий, будучи 11 лет, удивил всех противу раскольников. Сей владыко известил Соловецкого настоятеля в прибытии царя Петра Великого в Архангельск и желании его быть в обитель». Из приведенного выше текста летописи видно, что надпись была сделана при поставлении портрета, написанного С. Нарыковым, в соборе по «преставлении» архиерея. Наличие на портрете надписи подкрепляет нашу атрибуцию и свидетельствует о том, что именно этот портрет принадлежит Нарыкову.

¹³ Афанасий был единственным архиереем, не имевшим бороды как неперемennого атрибута духовного сана по той причине, что на церковном соборе 1682 г в его споре с Никитой «Пустосвятом» последний был доведен до иступления и выдрал Афанасию кусок бороды.

Во втором портрете (инв. № 444),¹⁴ который мы имеем все основания считать упоминаемой в летописи копией, острота портретной характеристики оригинала в значительной мере сглажена. Облачение и атрибуты Афанасия те же, но он выглядит моложе, благообразнее, выражение его лица смягчено некоторой бесстрастностью; живописные приемы более однообразны. При этом, однако, портрет исполнен в типичной для петровского времени технике масляной живописи с тонкими лессировочными наслоениями красочного слоя, и автор этой записи имеет основание утверждать, что он написан «тем же кунштом». Иван Погорельский как автор этого портрета выступает здесь живописцем средней руки, но стоящим вполне на уровне технических достижений современного ему искусства.

Оба эти портрета показывают, что русское искусство сделало значительный шаг от иконописных традиций древнерусской живописи в сторону овладения средствами реалистического искусства.

Из упомянутых в летописи работ это произведение, которое мы можем с некоторой достоверностью связать с именем Ивана Погорельского, является в настоящее время единственным известным нам сохранившимся творением этого художника. В настоящее время живопись Холмогор вообще почти неизвестна ввиду полной утраты памятников.

В подлинном рукописном экземпляре летописи имеется несколько рисунков, но не все они могут быть приписаны Ивану Погорельскому. Так, прорись Антония Сийского на фоне монастыря является, по всей вероятности, переводом иконы, вышедшей из стен монастыря. Не оригинальными, по-видимому, являются и полюбившиеся автору переводы миниатюрного размера некоторых «праздников». Автору летописи, очевидно, принадлежит упоминавшийся нами выше рисунок архиерейского «клеянота» для баркалона (такой же «клеянот» был также воспроизведен в Преображенском соборе¹⁵); им же, по-видимому, был сделан рисунок «царских потех» в Красном селе, очевидцем которых был автор во время поездки в Москву в свите архиерея. Эти рисунки исполнены схематично, но нужно учесть, что они носят документальный характер, а верность натуре еще не могла быть в то время сильной стороной в творчестве художников. Весьма характерен уже сам факт, что художник стремится словесные описания подкрепить иллюстрациями.

Так, например, на художника произвела сильное впечатление красота архитектуры Дубровицкой церкви во время осмотра ее в четвертый поход Афанасия в Москву. «После троицына дня, во вторник, был преосвященный архиепископ в селе князя Бориса Алексеевича Голицына, а именно в Дубровицах, от Москвы по Серпуховской дороге имеет в расстоянии 30 верст, над двумя реками стоит, над Десною и Пахрою. А церковь такова удивительная и резная вся в вольную сторону, и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивительной по нынешнее время не было» (ГПБ, собр. Титова, № 4682, л. 41). Здесь же автор — для памяти или для иллюстрации — прилагает набросок плана церкви в виде квадрифолия и зарисовку резного кружева каменной короны купола.

Возвращаясь к перечню произведенных автором художественных работ, мы читаем, что 11 июля 1697 г. он «с протчими товарищами начали Преображенской церкви западное крыльцо красить и писать», и он же собственноручно («один») «переписывал с полным подписанием сызнова кроме слов и речей» (стр. 107). «Тое же лета на третьей неделе великого

¹⁴ Масло, холст. Размер 88 × 72. На портрете надпись: «1. Архиепископ Афанасий».

¹⁵ А. Голубцов. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903, Предисловие, стр. XIX.

поста с Алексеем Струниным поновлял Яковлевские пятилистовые иконы. В пост же красили архиерейский стол круглый на одной ноге по иноземски» (стр. 111). «На третьей неделе Благовещения ходили на Троицкий Ухтоостров с Алексеем Струниным и Михаилом Онегиным и подрядились церковь поновлять да и новья писать рядили деньгами и хлебом». «На шестой неделе того же великого поста в большой Преображенский собор красили около престола мост» (стр. 112). «К вербному воскресенью строил с братом архиерею три вербы; цветы деланы из белого железа и цвечено, а листы и винограды восковые; обвивано прутье шелковою бахромою» (стр. 112).

К 1701 г. относится заметка: «После пасхи красили и писали из палат архиерейских выходное крыльцо к собору с воротами и до собору с перилами на мосту» (стр. 118). Другой источник дает более подробное описание этих работ: «Пристроив к храму северные и южные паперти, западные с ея тройными входными дверьми расписал (Афанасий, — В. Б.) разными красками зело узорочно священо-историческими и аллегорическими сюжетами до изображения небесного движения солнца и луны и звездного течения на своде притвора включительно».¹⁶

Таков весьма обширный и разнообразный перечень художественных работ, в которых участвовал автор: иконописание, золочение, декоративные росписи и оформительские работы, копирование лицевых рукописей, парсунное письмо — все это составляет круг занятий, типичный для художника конца XVII в.

Как исторический документ летопись представляет собой несомненный интерес, поскольку автор проявляет себя живым и внимательным наблюдателем всех происходящих перед ним событий.¹⁷

Нередко автор проявляет себя подлинным художником слова, как например в описании картины похорон царицы Наталии Кирилловны, свидетелем которых он был. «Ианнуария в 25-й день, во втором часе дня, в день недельный, до литургии, на Иване Великом в Успенский колокол ударили три раза гораздо не скоро — крепко, того часа преставися к богу, отыде в вечное блаженство благоверная царица и великая княгиня Наталия Кирилловна ... на другой день хоронили в Вознесенском монастыре, где изначала кладутся царицы и царевны, в соборной церкви. Несли оное тело сверху минуя Грановитую палату и Красное крыльцо, через крыльцо, которое за медною решеткою. И как несли, в то время на Иване Великом во все колокола звонили не вдруг, все по одному колоколу перебирали, с малых до больших. А несли тихо. В препровождении были: святейший патриарх со архиереи и власти в темном одеянии и государь царь Иоанн Алексеевич с царицы и с бояры — все в простом платье, в черном все, и возники двойками шли черные и сани под черным сукном обиты» (стр. 73).

Однако наибольшую ценность для нас представляют сведения о событиях художественной жизни Холмогор, особенно ввиду утраты самих произведений живописи этого времени.¹⁸ Косвенные факты указывают на то,

¹⁶ Там же, стр. XVII.

¹⁷ Например, летописец под 1699 г. повествует, что в доме архиерейском жил «раздьякон» (разжалованный) который был пожизненно выслан из Москвы в Соловки «за его спор и слова, что российская церковь соединится с римской». Узник писал для архиерея книги и за время своего заточения исписал стены кельи стихами собственного сочинения. Автор добросовестно переписал все стихи и включил их в свои записки для осведомления читателей. Интересна деталь, свидетельствующая об известной образованности автора: для зашифровки некоторых сведений он употребляет латинский шрифт.

¹⁸ Икона «Прокопий и Иоани Устюжские» в музее «Коломенское», которая происходит из холмогорского Спасо-Преображенского собора, по нашему мнению, была написана в Устюге.

что этот город был в XVII—XVIII вв. крупным художественным центром русского Севера. Достаточно напомнить о том, что отсюда вышли такие известные живописцы, как царский изограф Василий Иванов Колмогоров,¹⁹ Семен Спиридонов Холмогорец²⁰ и его брат Василий Спиридонов,²¹ Алексей Колмогоров, работавший в XVII в.,²² и др.

Хотя здесь можно встретить весьма разнородные течения, что объясняется соседством с такими старыми очагами культуры, как Соловецкий или Антониев-Сийский монастырь, город Великий Устюг, тем не менее не исключена возможность, что в Холмогорах сложилось свое самобытное направление в живописи. Это особенно заметно в творчестве такого выдающегося мастера, каким был Семен Спиридонов, сохранивший свою оригинальную художественную индивидуальность на всем протяжении своего творческого пути. Его образам свойственна тонкая поэтичность и оттенок минорного настроения; в изысканном, ювелирно-отточенном стиле его живописи ощущается заметное влияние позднерогановских устюжских писем с их тенденцией к сознательной архаизации. Плоскостный характер тонкой орнаментики икон Семена Холмогорца роднит их с памятниками резьбы по кости Холмогор и с мотивами устюжской черни.

Насколько типичным для Холмогор было искусство Семена Спиридонова, сказать трудно, оно более тяготеет к утонченной стилизации устюжских писем, которые, впрочем, в настоящее время еще мало изучены. На искусство Холмогор должна была оказать сильное влияние значительная прослойка так называемых поморских писем, соприкасающихся с народным крестьянским искусством. В художественной среде Севера сформировался талант великолепного и вполне передового для своей эпохи рисовальщика Василия Мамонтова Шуренги.²³

В Двинском летописце мы встречаемся с упоминанием о самых разнообразных направлениях живописи: «старогреческими» письмами, копированием московских образцов, в том числе и «персонного» письма, с росписями «по-иноземски» и т. д. Возможно, что в дальнейшем кое-что из созданного холмогорскими мастерами этого времени будет найдено и картина художественной жизни Холмогор станет более полной.

В заключение следует отметить, что фигура Ивана Погорельского, объединившего в своем лице писателя²⁴ и художника, не является исключением в истории культуры древней Руси. Имеется ряд примеров, когда иконописцы выступают в качестве авторов литературных сочинений. Таким иконописцем и писателем был в конце XIV—начале XV в. художник

¹⁹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Словарь. М., 1910, стр. 146.

²⁰ См. наш доклад, прочитанный в Институте истории искусств АН СССР, «Семен Спиридонов Холмогорец — изограф XVII века (1642—1692). (К вопросу о холмогорско-устюжской школе живописи)», принятый к печати в «Ежегоднике» Института истории искусств АН СССР. Неизвестно, почему Семен Спиридонов, один из крупнейших и известных иконописцев своего времени, не участвовал в работах, отмеченных в Двинской летописи. Возможно, в этом сказалось соперничество между указанным иконописцем и членами бригады Федора Струнина.

²¹ О Василии Спиридонове см. в статье, указанной в предыдущем примечании.

²² В 1773 г. им была выполнена крупная работа по написанию икон иконостаса Троицкого собора Троице-Гледенского монастыря г. Великого Устюга.

²³ См. его рисунки в Сийском иконописном подлиннике, изданные Н. П. Покровским (изд. ОЛДП, вып. CVI, CVII, СПб., 1894, 1897).

²⁴ Вполне вероятно, что Иван Погорельский является автором не только Двинской летописи, но и других произведений письменности, которых сохранилось от времени Афанасия не так уж мало. Так, уже А. Голубцов (А. Голубцов в Чинovníки Холмогорского Преображенского собора Предисловие, стр. XXXII) отметил «много буквально сходного» в Двинской летописи и в приложении к изданному им чиновнику холмогорского Преображенского собора, названному «Выписки вкратце».

Игнатий Грек.²⁵ В XVII в. иконописцы Симон Ушаков и Иосиф Владимиров выступают в качестве авторов трактатов по актуальным для эпохи проблемам живописи.²⁶ Замечательным историческим документом являются «Записки изографа Василия Никитина» (костромского иконописца) 1745 г.²⁷ В Ярославле в конце XVII—первой половине XVIII в. была написана «Повесть о построении и украшении Федоровской церкви»,²⁸ автором которой было также лицо, близкое к среде иконописцев. Эти произведения подобно Двинской летописи представляют несомненный интерес и должны быть привлечены для изучения русского искусства этого времени.

²⁵ В. А. Антонова. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 569—572.

²⁶ А. Никольский. Вестник археологии и истории, изд. Имп. археологического института, вып. XX. СПб., 1911; Ф. И. Буслаев. Сочинения, т. II, СПб., 1910.

²⁷ Опубликованы в извлечениях В. И. Лествицыным (В. И. Лествицын. Записки изографа Василия Никитина. 1745 год. — Ярославские губернские ведомости, 1882, №№ 17, 18). Рукопись содержит разнообразный исторический и биографический материал об иконописцах и памятниках искусства г. Костромы XVII—XVIII вв.

²⁸ Точное ее название: «Повесть о начале зачатия и поставления первыя деревянныя церкви св. Николая Чудотворца, что на Пенье, како и кем добротных жителей и в какие лета нача соизидатися и о явлении и написании и перенесении честного образа пр. богородицы Одигитрии, нарицаемыя Феодоровские...» (Ярославль, 1873).